

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КАРАБУЛАКОВ (1800–1865 ГГ.)

И.Л. Бабич

Ирина Леонидовна Бабич | <https://orcid.org/0000-0002-3240-6780> | babi7chi@yandex.ru | д.и.н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский проспект 32-А, Москва, 117303, Россия)

Ключевые слова

Карабулаки, народы Северо-Восточного Кавказа, Кавказская война, Российская империя, ингуши, чеченцы, архивы, карты

Аннотация

В статье на основе ввода новых материалов из трех архивов рассматриваются векторы геополитических интересов карабулаков в контексте их взаимоотношений, с одной стороны, с чеченцами и ингушами, а с другой, с российской властью в период 1800–1865 гг. Карабулаки – один из народов дагестанско-нахской языковой группы, проживавшие до 1865 г. в горной и предгорной частях Кавказского хребта на Северо-Восточном Кавказе, между ингушами и чеченцами. До сих пор в советском и российском кавказоведении не было научных исследований, посвященных специально карабулакам. Связано это с тем, что в 1865 г. российские власти провели действия по выселению карабулаков с территории их постоянного проживания в Османскую империю. Их собственная история на родине оказалась прерванной. В результате о них лишь частично упоминают при изучении истории и этнографии либо ингушей, либо чеченцев. Автор пришел к выводу, что в основу взаимоотношений народов в первой половине XIX в. был положен геополитический критерий, который разделил не только народы Северного Кавказа между собой, но и людей внутри родов одного народа. Карабулаки оказались разделенными: небольшая их часть ориентировалась на ингушей, вместе с которыми они вошли в состав России, но большинство предпочло ориентироваться на тех чеченцев, которые оказывали сопротивление России. Кроме политического фактора имел значение и религиозный, который объединил карабулаков, чеченцев и народы Дагестана на основе общего исламского идеологического фундамента и единого лидера – Шамиля.

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Карабулаки – один из народов дагестанско-нахской языковой группы, проживавший до 1865 г. в горной и предгорной частях Кавказского хребта на Северо-Восточном Кавказе, между ингушами и чеченцами. Имея много сходства в этнической культуре с соседними народами, карабулаки тем не менее представляли собой отдельный народ (Волкова 1974) со своими геополитическими устремлениями и, соответственно, действиями по отношению, во-первых, к Российской империи, и, во-вторых, к соседним народам. В предлагаемой статье мы рассмотрим

Статья поступила 17.10.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 03.02.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Бабич И.Л. Геополитические интересы карабулаков (1800–1865 гг.) // Этнографическое обозрение. 2022. № 2. С. 154–167. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020105> EDN: HSEKDA

Babich, I.L. 2022. Geopoliticheskie interesy karabulakov (1800–1865 gg.) [Geopolitical Interests of the Karabulaks (1800–1865)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 154–167. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020105> EDN: HSEKDA

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <https://eo.iea.ras.ru>
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

векторы геополитических интересов карабулаков в контексте их взаимоотношений, с одной стороны, с чеченцами и ингушами, а с другой, с российской властью. До XVIII в. чеченцы (самоназвание – нохчий), акинцы, кисты, бацбийцы, ингуши (самоназвание – галгай), карабулаки (самоназвание – орстхоевцы) составляли единый этнос. Отделение ингушей от карабулаков и чеченцев происходит в XVIII в. Термины “ингуши”, “карабулаки” в исторических документах и в историко-этнографической литературе появляются с XVIII в. (*Гануров, Саралиева 2013: 122*). Исследование осуществлено на основе документов, обнаруженных нами в трех архивах России (Российском государственном военно-историческом архиве, Москва; Российском государственном историческом архиве, Санкт-Петербург; Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания, Владикавказ), а также архивных документов, опубликованных во второй половине XIX в. в Актах Кавказской археографической комиссии (АКАК).

До сих пор в советском и российском кавказоведении не было научных исследований, посвященных специально карабулакам. Связано это с тем, что в 1865 г. российские власти провели действия по выселению карабулаков с территории их постоянного проживания в Османскую империю. Незначительные группы карабулаков постепенно слились либо с ингушами, либо с чеченцами. Таким образом, их собственная история на родине оказалась прерванной. В результате о карабулаках лишь частично упоминают при изучении истории и этнографии либо ингушей, либо чеченцев, распространяя на них общие сведения об изучаемых народах без упоминания их независимого от соседей проживания до 1865 г. Ингушские исследователи считают карабулаков частью ингушей, при этом собственно история карабулаков не изучается, а используется в тех случаях, когда надо показать участие ингушей или в Кавказской войне, или в процессе переселения в Османскую империю (*Цицкиев 2019: 88; Кидирниязов 2020: 203–217*). Согласно этим данным,

к племени Ингушей, занимающих плоскость и котловины Кавказских гор с правой стороны Терека до верхних частей Аргуна и до течения р. Фортанги, принадлежат: 1) назрановцы с Комбулейским обществом, 2) джераховцы, 3) карабулаки, 4) цоринцы, 5) ближние кисты с небольшим обществом малхинцев, вновь покорившимся, 6) галгай, 7) галашевцы и 8) дальние кисты (*Картюев 2020: 34–52*).

В то же время чеченские историки считают, что карабулаки (как и ингуши) – чеченские племена. Чеченцы являются древнейшими коренными обитателями Кавказа (*Межидова 2018: 142*). Существовало и понятие “вайнахские вольные общества”, куда входили и карабулаки (*Ахмадов 2004: 22–25*). Не планируя рассматривать собственно Кавказскую войну как таковую, рассмотрим геополитические интересы карабулаков в контексте Кавказской войны (*Гануров и др. 2016б: 42–48; Гануров 2013: 106*).

Карабулаки и ингуши. Ингуши – один из первых народов на Северном Кавказе, принявших подданство Российской империи. Это было в марте 1770 г. Их геополитические интересы оказались с самого начала тесно переплетены с Россией. Путем вхождения в состав России ингуши получили обещание от российских властей и войск предоставлять им защиту от посягательств на их свободу и экономическое состояние со стороны других народов Северного Кавказа (АКАК 1866: Т. I. Л. 86–87). Утвержденный Россией в 1810 г. Письменный акт был направлен на установление полного контроля над Назрановским обществом, приостановление процесса распространения среди ингушей ислама и включения их в орбиту российского влияния на Северном Кавказе как народа, занимающего стратегическую территорию и исторически тесно связанного с Россией (*Картюев 2020: 34–52*). В Ингушетии отсутствовала для этой борьбы прочная

идеологическая база в виде мюридизма и идей газавата, получивших широкое распространение на Северо-Восточном Кавказе, в первую очередь в Дагестане – центре религиозного образования и просвещения Северного Кавказа, откуда они распространились на соседние чеченские и карабулакские народы. Для самой России наличие на Северном Кавказе народа, не стремившегося давать отпор российским войскам, означало создание важного плацдарма для завоевания непокорных народов, и прежде всего чеченцев, карабулаков, народов Дагестана (АКАК 1874: Т. VI. Ч. I. Л. 479). Более того, ингуши принимали участие в военных действиях против этих народов на стороне России. Например, уже в 1807 г. российские войска вместе с пророссийски настроенными группами кабардинцев и ингушей совершили военный поход против карабулаков (АКАК 1870: Т. IV. Л. 896–897). Это были первые попытки покорить карабулаков.

Примерно до начала 1850-х годов карабулаки либо вообще отказывались от российского господства на территории своего проживания, либо покорялись частично, либо колебались (вначале они могли признать российскую власть, впоследствии под влиянием Шамиля отказаться от власти России). По данным на 1831 г., как было отмечено в рапорте барона Розена Чернышеву, часть ингушей – т.н. “назрановцы”, проживавшие около Назрани, объединились с т.н. “яндырскими” карабулаками, проживавшими в районе р. Яндырка. И те, и другие без сопротивления вошли в состав Российской империи к 1830 г. (АКАК 1881: Т. VIII. Л. 541).

Вплоть до конца XVIII в. российские власти плохо представляли, где живут карабулаки, их быт, нравы и образ жизни. Это хорошо видно на картах этого периода. На карте Кавказских гор 1786 г. карабулаки указаны, но нет точного места их расселения. Впервые расселение карабулаков показано на карте полуденной части Российской империи (1789 г., Рис. 1). Карабулаки фигурируют отдельно вдоль р. Асса между чеченцами и ингушами. На двух других картах 1787 г. и 1790 г. карабулаки не указаны (РГВИА 1: Оп. 16. ДД. 20480, 20590).

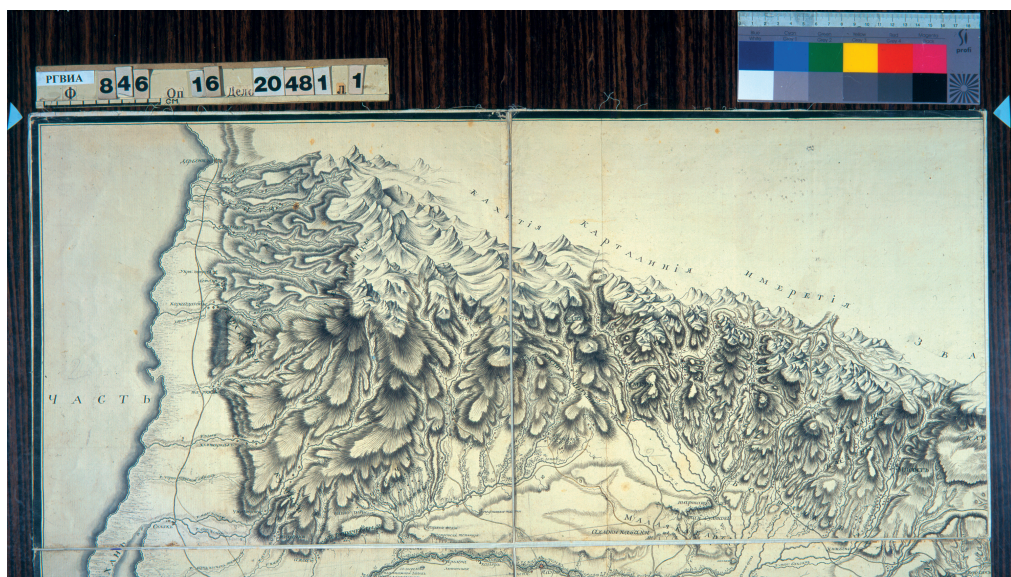


Рис. 1. Карта полуденной части Российской империи, 1789 г.

© Из фонда Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)
(источник: Фонд 846. Описание 16. Том 3. Дело 20479. Лист 1. Кадр 3.
Публикуется с разрешения РГВИА)

Контакты между российской властью и карабулаками имели место в начале XIX в., когда Россия начала обеспечивать безопасность дороги из Моздока в Грузию, т.е. Военно-грузинской дороги. В 1802 г. генерал К.Ф. Кнорринг писал, что в Моздок прибыли 15 аманатов от тех народов, которые жили вдоль дороги (осетин, дигорцев и карабулаков). Это было необходимо для “лучшего обеспечения коммуникации с Грузией” (АКАК 1866: Т. IV. Л. 744).

В своих циркулярах и инструкциях российские военные отмечали *особые связи* между карабулаками и ингушами. Так, в 1821 г. А.П. Ермолов, служивший на Кавказе с 1816 по 1827 гг., формировал военные части, которые должны были противостоять набегам непокорных горцев (карабулаков и галашевцев) на Владикавказ. В своих инструкциях для местных военных он подчеркивал, чтобы «они не использовали в военных действиях *тех ингушей, у которых “есть связи с карабулаками”*» (АКАК 1875: Т. VI. Ч. 2. Л. 506; курсив мой. – И.Б.). Об этом же мы читаем в рапорте на имя Командующего Кавказских войск на Кавказской линии и Черномории И.А. Вельяминова. В июле-ноябре 1832 г. планировались военные действия российских войск (I-го и II-го Закавказских конных полков при участии кабардинской и ингушской милиции) против непокорных групп карабулаков, чеченцев и галашевцев. В документе было подчеркнуто: “Прошу употребить ингушевцев и кабардинцев против карабулак и чеченцев, хотя *некоторые ингуши имеют сношения с карабулаками...* но затруднения при сем не должно встретиться” (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 83. Л. 1, 5, 6–8; курсив мой. – И.Б.). Что же это были за *связи и сношения*?

Проводимые в 1835–1838 гг. военные действия России на Северо-Восточном Кавказе (АКАК 1881: Т. VIII. Л. 388) свидетельствуют, что в этот период в состав российских войск, совершавших нападения на немирных карабулаков и



Рис. 2. Карта Кавказского края с пограничными землями Генерального Штаба Степного Кавказского корпуса, 1834 г.

© Из фонда Российского государственного военно-исторического архива (источник: Фонд 846. Описание 16. Том 3. Дело 20530. Публикуется с разрешения РГВИА)

чеченцев, включались представители ингушей (назрановцев) и покорных карабулаков. Таким образом, в этот период у карабулаков не было единой геополитики: уже в 1830-е годы появилась *группа карабулаков – “яндырцев”, которые проводили единую линию вместе с ингушами*. Опираясь на материалы АКАК, мы видим, что именно между назрановцами и яндырскими карабулаками существовали *родственные связи*, т.е. между этими ингушами и карабулаками были межнациональные браки. Эта часть карабулаков, как и ингуши, в основном придерживалась в своих геополитических интересах России, а также участвовала в ее военных действиях. В 1833 г. имам яндырских карабулаков дер. Б. Яндырка Джанхот Азаматов, заручившись поддержкой чеченцев, попытался поднять своих жителей против российской власти, но эта попытка оказалась неудачной: военные убили имама и членов его фамилии (АКАК 1881: Т. VIII. Л. 696, 698).

В 1841 г. Шамиль с армией в 15 тыс. чел. (состоявшей главным образом из чеченцев, например, отряда чеченцев во главе с Ахверды Магома) начал активные военные действия против российских войск и принявших подданство России ингушей и яндырских карабулаков (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 268. Л. 15–17об). Российские войска при участии назрановских ингушей и яндырских карабулаков отражали его нападения, о чем свидетельствует список убитых и раненых после этого сражения с Шамилем. В нем фигурируют и ингуши, и карабулаки (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 381. Л. 1–16). В документе было указано:

Шамиль старался обольстить нас¹ разными обещаниями... разорил наши жилища, уничтожил... направил на нас *друзей и родных наших карабулаков*. Несмотря на это, Шамиль не смог восторжествовать, *дружба, родство, все было нами забыто при мысли о долге присяги*. Сражение шло 5 дней: “*Брат против брата*” (РГИА 1: Оп. 1. Д. 311б; курсив мой. – И.Б.).

Мы понимаем выражение “брат на брата” таким образом: с одной стороны, были принявшие подданство России яндырские карабулаки и ингуши, и с другой, непокорные карабулаки (АКАК 1881: Т. VIII. Л. 696, 698).

В 1842 г. по предложению российских властей для посещения императорского двора в Санкт-Петербурге и урегулирования прав и обязанностей в связи с включением в состав России была создана группа из нескольких депутатов от назрановцев и яндырских карабулаков. Народы просили разрешить им занимать те земли, на которых они проживали, и сохранить их за ними, освободить от податей на шесть лет, вернуть сосланных за маловажные преступления и освободить от ответственности за следы хищников, проходящих через их земли (РГВИА 2: Оп. 2. Д. 366. Л. 1–1об). Этому же посвящено дело, найденное в другом архиве – “По просьбе Назрановского и части Карабулакского обществ об оставлении за ними занимаемых ими земель и освобождении от податей и повинностей” (РГИА 1: Оп. 1. Д. 311б).

При создании первого административного участка на Северо-Восточном Кавказе – Ингушевского административного приставства, российская администрация объединила ингушей и яндырских карабулаков в один административный район и назначила приставом ингушских и карабулакских народов ингуша Гайтова (АКАК 1881: Т. VIII. Л. 706; РГВИА 2: Оп. 6. Д. 162, Оп. 2. Д. 294, 363). Гайтов составлял списки назрановцев и карабулаков, которые были в разные годы арестованы и находились в российских тюрьмах и в ссылке в отдаленные российские регионы, с просьбой их вернуть (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 162. Л. 20; 10). Подчеркнем, что хотя Гайтов считался приставом ингушских и карабулакских народов, но в это приставство входило лишь незначительное число карабулаков.

Иногда *непокорные карабулаки сами пытались бороться с покорными карабулаками*. Среди непокорных карабулаков появлялись харизматические лидеры,

которые возглавляли группы, состоявшие из непокорных карабулаков и чеченцев. Бывало даже так, что формировалась партия чеченцев, которую возглавлял... карабулак. Приведем примеры.

Рапорт генерала А.А. Вельяминова на имя Командующего войсками Кавказской линии генерала кавалерии Эмануэля (1830 г.): в ауле Курей-Юрт проживали покорные карабулаки. В чеченском ауле Шали, который располагался примерно в 50–60 км от Курей-Юрта, карабулакский абрек *Астемир* сформировал отряд из непокорных чеченцев в количестве 600 чел. Недовольный тем, что часть карабулаков подчинилась России, он стремился устраивать набеги на яндырцев. Часто абреки совершали хищнические набеги на аулы вдоль Военно-грузинской дороги. В рапорте описывался его последний набег, во время которого были украдены: крупный рогатый скот и лошади (1100 шт.), а также устроена драка с карабулаками (были раненые и убитые, семь чел. попали к чеченцам в плен). Российские власти и военные защищали покорных карабулаков. Власти обратились к чеченцам с просьбой, чтобы те вернули скот. Чеченцы отказались, так как считали, что карабулаки в прежние годы тоже крали у них скот в большом количестве. Чеченцы “просили местное начальство понудить карабулаков к удовлетворению за похищения”, но не получали “просимого удовлетворения и решили получить оно силою оружия”. В результате переговоров чеченцы вернули лишь 15 шт. скота. Российские власти предложили военным вернуть скот силой. Князь, генерал-майор И.Н. Абхазов писал рапорт А.А. Вельяминову:

Войска, находившегося в моем распоряжении, достаточно для истребления всех чеченских сел, но как только в Чечне появляются русские войска, чеченцы уходят в горы, откуда их невозможно выковырять силою оружия. Карабулакский скот был распределен среди покорных и непокорных чеченцев. В ходе переговоров покорные чеченские деревни согласились вернуть скот, а непокорные – нет. Тогда военные предложили чеченцам и карабулакам уладить этот вопрос с помощью шариата. Но чеченцы отказались. Военные писали: чеченцы с карабулаками – с давних времен в беспрестанной вражде.

Чеченцы организовали новое нападение, о котором карабулаки были предупреждены, поэтому с помощью русских войск его удалось отбить (рядом с дер. Шальгичи и Дарбаш). Было убито четыре чеченца и угнано 20 голов скота (РГВИА 2: Оп. 2. Д. 226. Л. 4, 4об, 9–12, 15об). В декабре 1830 г. военные ворвались в ту деревню, где жил абрек Астемир. Однако ему удалось бежать в горы. Вместо него военные взяли в плен его дочь (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 28. Л. 4, 4об, 9–12, 15об).

В 1834 г. Гайтов отмечал, что “непокорные чеченцы, собравшись большими партиями между рр. Надтихой и Фортант”, 10, 12, 18 октября неоднократно совершали нападения на покорные карабулакские деревни (аулы Казак-Кичу, Шильгихи, Гази-Орт), брали в плен женщин, угоняли рогатый скот (РГВИА 2: Оп. 2. Д. 226. Л. 1, 1об, 3, 7, 7об, 8, 8об). В свою очередь, назрановские ингуши вместе с яндырскими карабулаками с разрешения российских властей совершали набеги на непокорных чеченцев. В апреле 1835 г. Гайтов сформировал из горцев вооруженный отряд в количестве 650 чел. и напал на дер. Пхан-Чигу (по р. Сарагри), в которой проживали непокорные чеченцы и которая располагалась по соседству с деревнями уже принявших подданство России чеченцев. В результате жителям Пхан-Чигу пришли на помощь покорные и непокорные чеченцы из соседних деревень, а также вооруженный отряд чеченцев во главе с карабулаком, абреком *Мисостом Арсамановым*. Нападение отряда Гайтова было отбито (РГВИА 2: Оп. 2. Д. 226. Л. 1, 1об, 3, 7, 7об, 8, 8об).

Карабулаки и чеченцы. В первой половине XIX в. в ходе освоения Северо-Восточного Кавказа и проведения военных операций российские чиновники и военные периодически составляли описание народов этого региона. В этих

описаниях, как правило, карабулаки фигурировали как одна из групп чеченцев. Приведем их.

В 1830 г. военные подготовили описание народов Северо-Восточного Кавказа, которые еще не были покорены. В этом описании карабулаки (наряду с собственно чеченцами) отмечены как одно из обществ чеченцев. В описании также указаны кумыки, салатовцы, гумбетовцы и др. народы Дагестана (РГВИА 1: Оп. 16. Т. 3. Д. 18502. Л. 1, 1об, 19). В 1832 г. российские власти подготовили “Военно-статическое описание Чечни”, в котором было дано очень подробное описание всех групп, которые они относили к чеченцами: это карабулаки, ичкеринцы, галгаевцы, галашевцы. В этом описании было отмечено, что карабулаки говорят на *наречии чеченского языка* (РГВИА 1: Оп. 16. Т. 3. Д. 18507. Л. 25–30). В 1839 г. российскими военными был сделан краткий политический обзор народов, проживающих на землях левого фланга Кавказской линии. При описании Малой Чечни (территории, располагавшейся между рр. Аргуном и Ассою) указано следующее: “Эта часть составила из выходцев от различных обществ из ичкеринцев, карабулак, шатоевцев и др., впрочем, язык у них общий – чеченский. *Вера, обычаи, образ жизни и характер, совершенно одинаковы с жителями Большой Чечни*” (РГВИА 2: Оп. 1. Д. 691. Л. 5–6; курсив мой. – И.Б.).

Примерно к 1850-м годам российские власти отказались от взгляда на единство карабулаков и чеченцев. Об этом свидетельствует следующее дело. В 1851 г. российские власти планировали определенным образом заселить Малую Чечню. В рапорте “О заселении Малой Чечни” говорилось следующее: туда планировали переселить тех, кто покорился России – *племя чеченцев и племя карабулаков*. В деле говорится следующее:

Аулы, составленные из подчинившихся нам в разные времена и по различным случаям, из людей, принадлежащих различным фамилиям и родам из карабулаков и чеченцев, перемешанных между собой, потерявших родовую связь вследствие бегства аулов и продолжительной борьбы с нами... Прежнее родовое устройство там будет невозможно (аул – один род со старшиной). Нужны новые порядки... Я предлагаю из мирных карабулаков и чеченцев избрать самых надежных, влиятельных в народе и преданных нам людей, и обличить их званием Старшины.

Но власти от этого отказались: *нельзя их вместе объединять в один район и разделять одно племя* (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 909. Л. 3, 4, 13–15).

Русские чиновники и военные в XIX в. рассматривали народы Северо-Восточного Кавказа как народы или племена (реже – общества). Первое упоминание в военных рапортах о карабулаках датируется 6 июлем 1800 г., когда было упоминание о карабулаках, которые жили в горах; они совершали набеги на казачьи станицы с целью кражи лошадей (АКАК 1866: Т. I. Л. 720). В военном рапорте 1812 г. перечисляются народы, в том числе и ингушевцы, карабулаки, тагаурцы, кистинцы и прочие роды Кавказа (АКАК 1873: Т. V. Л. 669). В “Очерках Кавказского края”, датируемых 1838 г., указано, что есть группы непокорных горцев, которые “известны нам только по названию” – это “полудики племена горцев” (РГИА 1: Оп. 1. Д. 28. Л. 9об, 21об). Во многом это о карабулаках. В 1836 г. российским властям удалось крестить часть ингушей, а карабулаков – нет, хотя они, как сказано в деле, соседние племена (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 162. Л. 11об). В 1850 г. в докладной на имя князя М.С. Воронцова карабулаки названы и народом, и племенем. В 1851 г. российские чиновники называли народы Северного Кавказа племенами (кабардинцы, карачаи, кумыки и др.) (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 916). В 1852 г. депутация от племени карабулаков направлялась в С.-Петербург для представления покорности России: “каждое племя может покоряться отдельно”. В 1856 г. в период устройства новых российских станиц военные писали: “В настоящее время все население назрановцев, галашевцев и

карабулак выведено из лесной полосы на открытые пространства и плоские места Малой Чечни”. Это племена. В племена входили общества (РГИА 1: Оп. 9. Д. 436. Л. 5). В проекте Записки “О покорных нам племенах горцев на Кавказе”, датируемой 1865 г., указывалось: “во Владикавказском округе были племена Кара-Булак, Галашевцев, назрановцев, дигорцев, ингушей и осетин” (РГИА 1: Оп. 1. Д. 39. Л. 25об).

В 1834 г. в переписке “о разрешении покорным карабулакским деревням сношаться с назрановскими ингушами для удержания непокорных чеченцев от хищничества, делать на них набеги, покуда они не изъявят покорность” (РГВИА 2: Оп. 2. Д. 226. Л. 1, 7), употреблялись понятия “карабулакские и ингушские народы”. Понятие “народа” использовалось в различных российских документах: в Кратком историческом обзоре горских народов (1839 г.) (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 218. Л. 1–25), в Проекте Управления горскими народами (горцами) (1839 г.), в Кратком политическом обзоре народов, проживающих на землях левого фланга Кавказской линии (РГВИА 2: Оп. 1. Д. 691. Л. 5–6), “О принесении покорности нашему Правительству Карабулакскими народами” (1841 г.) (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 693б. Л. 1). Начальник Левого фланга Кавказской линии генерал-майор А.П. Пулло указывал, что “у него есть право наказывать народы, которые проявляют неприязненное отношение к Российскому Правительству, поэтому он решил провести карательную экспедицию в Чечню, где такие проявления были и заодно наказать и соседние народы – Карабулашевские и Ингушевские владения” (далее он называет их *карабулаки* и *ингуши*) (1839 г.) (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 236. Л. 1, 2, 2об, 3, 3об, 4, 9, 11).

Понятие “народ” использовал и имам Шамиль, когда обращался к народам Северо-Восточного Кавказа с просьбой о поддержке его движения. Им были подготовлены воззвания отдельно к ингушам, к карабулакам, к чеченцам. 15 апреля 1840 г. было прочитано воззвание Шамиля к карабулакскому народу (подлинник на арабском языке и перевод на русский язык – РГВИА 2: Оп. 6. Д. 287. Л. 1–2, 3–5).

В военных документах 1844 г. мы находим информацию об одном из карабулакских селений, которое изъявило желание принять российское подданство; это селение русскими военными называлось обществом (РГВИА 2: Оп. 2. Д. 408. Л. 1, 1об, 2, 8).

В отличие от ингушей, которые в первой половине XIX в. были отчасти христианизированы, карабулаки, как и чеченцы, сохраняли свою приверженность к исламу (РГВИА 2: Оп. 1. Д. 691). По данным российских военных, на 1838 г. все карабулаки численностью 6178 чел. (1114 семей), проживающие по рр. Асса и Сунжа в 35 сел., “магометане”. Часть ингушей наряду с осетинами были либо язычниками, либо православными (ингуши – лишь 1185 из 1872 семейств – магометане) (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 218. Л. 1–25; РГВИА 2: Оп. 16. Т. 3. Д. 18507. Л. 25–30; РГИА 1: Оп. 1. Д. 39. Л. 85). У карабулаков было десять мечетей, девять мулл (у ингушей – пять мечетей, четыре муллы). В начале XIX в. у карабулаков муллами были кумыки, чеченцы и дагестанцы, а в 1860-е годы – уже карабулаки (РГИА 1: Оп. 1. Д. 741. Л. 1–2; ЦГА РСО-Алания 1: Оп. 6. Д. 510. Л. 5, 8).

Часть чеченцев еще в 1781 г. вошла в состав России (*Виноградов: 52*). Ш.А. Гапуров подчеркивает: “Даже в годы Кавказской войны далеко не все чеченцы (и далеко не все северокавказские горцы) воевали с Россией. Притеречные чеченцы с XVIII в. стремились жить в мире с российскими властями, имели тесные экономические и куначеские отношения с казаками, среди которых у них были и прямые родственники (ведь терско-сунженское казачество в XVI–XVII вв. формировалось не только из русских, но и из представителей горских народов).

В тот период жены большинства казаков были из горянок. Даже в период всеобщего восстания в Чечне в 1840 г. далеко не все притеречные чеченцы присоединились к Шамилю” (*Гапуров и др.* 2016а: 59). С конца XVIII – начала XIX в. Россия начала устанавливать в Чечне свою административную власть, включать этот регион в свою, российскую административную систему. Чечня стала частью Кавказского наместничества. Однако, если в равнинной Чечне с 1807 г. была создана российская административная власть (при этом учитывались и пожелания местных обществ), то горная часть Чечни оставалась вне контроля России (*Гапуров и др.* 2016б: 42). Чеченцы оказывали наиболее упорное и организованное сопротивление российским войскам (*Гапуров и др.* 2016а: 55). В начале XIX в. было около 150 тыс. чеченцев. Р.А. Товсултанов подчеркивал, что в 1836 г. Чечня включилась в народно-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа. В начале 1840 г. Шамиль избирается имамом Чечни и ставится имамом Дагестана и Чечни; в этот же год происходит всеобщее восстание в Чечне. С этого времени центр народно-освободительного движения на Северо-Восточном Кавказе перемещается в Чечню (*Товсултанов* 2017: 1). Поэтому карабулаки и присоединились к чеченцам для борьбы с Россией. Отметим, что исторически между чеченцами и карабулаками сложились напряженные отношения, в основе которых лежал разбой, кражи, главным образом, скота, причем с обеих сторон. Случались и земельные конфликты (АКАК 1875: Т. VI. Ч. 2. Л. 512). Генерал И.Ф. Паскевич подчеркивал: “У чеченцев была давняя вражда с карабулакским народом, граничащим с запада с Чечнею” (АКАК 1878: Т. VII. Л. 918–919). Чеченцы с карабулаками – “с давних времен в беспрестанной вражде” (РГВИА 2: Оп. 2. Д. 226. Л. 4, 4об, 9–12, 15об). Тем не менее несмотря на то, что карабулаков было значительно меньше чеченцев, они умели давать отпор и умели сами нападать. Генерал А.П. Ермолов указывал, что карабулаки – “народ сильный”, спустились с гор раньше чеченцев (АКАК 1875: Т. VI. Ч. 2. Л. 512).

Со времени начала военных действий России на Северо-Восточном Кавказе характер взаимоотношений между карабулаками и чеченцами изменился: карабулаки и чеченцы стремились к объединению на основе *общих политических ориентиров*, т.е. совместной борьбы с российскими войсками. Причем, как подчеркивал в 1806 г. один из российских начальников на Кавказе И.В. Гудович, инициатива этого объединения исходила от карабулаков (АКАК 1869: Т. III. Л. 663). Генерал А.П. Ермолов в 1821 г. опасался, что часть ингушей, у которых есть связи с карабулаками (о которой мы писали в предыдущем разделе), не попали под влияние антироссийски настроенных непокорных карабулаков (АКАК 1875: Т. VI. Ч. 2. Л. 506). В течение нескольких десятилетий ингуши были с одной стороны, а чеченцы и большая часть карабулаков с другой (АКАК 1870: Т. IV. Л. 900). В 1830-е годы непокорные карабулаки жили совместно с непокорными чеченцами, например, в д. Дауд-Мартан (по р. Асса) (АКАК 1881: Т. VIII. Л. 697). Отметим, что в случае преследований российской администрацией ингушей-мусульман (при нежелании их пройти обряд крещения) они также спасались в Чечне (1836 г.) (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 162. Л. 15). К 1830 г. российским властям удалось частично разделить карабулаков на согласившихся принять российскую власть и на тех, кто продолжал бороться. Яндырские карабулаки решили вместе с назрановцами делать набеги на непокорных чеченцев (РГВИА 2: Оп. 2. Д. 226. Л. 1, 1об, 3, 7, 7об, 8, 8об). В течение 1830-х годов, особенно между 1835 и 1838 гг., российские войска вместе с военными подразделениями, составленными из покорных ингушей и карабулаков, совершали нападения на непокорных чеченцев, возбуждая этими набегами вражду между чеченцами и покорными народами, прикрывавшими Грузинскую дорогу (АКАК 1881: Т. VIII. Л. 388). В 1839 г. начальник Левого фланга Кавказской линии генерал-майор А.П. Пулло

просил усилить ему войско пятью сотнями чел. Карабулашевской и Ингушевской конницы и сотней чел. Горского Линейного Казачьего полка. В этом войске служили также представители алагирских и куртатинских народов (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 236. Л. 1, 2, 2об, 3, 3об, 4, 9, 11).

Как указывалось выше, после того как часть карабулаков приняла русское господство, непокорные чеченцы и карабулаки начали с ними воевать. Приведем дело, датированное 1844 г.: “Переписка об изъявлении покорности Русскому Правительству жителей Шавдун-Шари²⁷”. В деле есть подзаголовок: “о принятии покорности карабулакского старшины Эльжаруко Гудиева с 114 чел. и поселения на правом берегу Сунжи” (РГВИА 2: Оп. 2. Д. 408. Л. 1, 1об, 2, 8). Владикавказский комендант, полковник Нестеров в своем рапорте Гурко писал, что получил секретное решение карабулакского старшины аула Шавдун-Шари (в количестве 150 жителей – 33 семейства) Эльжаруко Гудиева принять русское подданство и переселиться на территории, подконтрольные русским войскам. Вместе с семействами они перешли р. Асса со скотом и имуществом и пришли к карабулакскому аулу Казак Кичу (Кигу), где жили покорные карабулаки, а также перешедшие в казачье сословие карабулаки, и представили двоих аманатов. Старшина указывал, что “чеченцы провожали его сильной перестрелкой”. Казаки-карабулаки помогли этой группе карабулаков перейти к русским. Им разрешили поселиться на правом берегу р. Сунжи и пользоваться землями на левом берегу р. Сунжи, пока земли не понадобятся казакам. Карабулаки предпочитали некоторое время жить около казаков.

Как мы указывали выше, часть карабулаки, понимая, что их незначительное количество, объединялись с чеченцами для борьбы с теми карабулаками, которые приняли русскую власть. Причем их энергия позволяла им становиться политическими и военными лидерами у чеченцев. Приведем примеры. В 1830 г. в Шали была сформирован отряд непокорных чеченцев в количестве 600 чел. (включал чеченцев из разных деревень), который возглавлял карабулакский абрек *Астемир* (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 28. Л. 4, 4об, 9–12, 15об). В 1833 г. имам покорных карабулаков д. Б. Яндырка *Джанхот Азаматов* пытался объединиться с чеченцами против России (АКАК 1881: Т. VIII. Л. 696, 698). Карабулак, абрек *Мисост Арсаманов* возглавлял группу чеченцев в борьбе против русских (1835 г.) (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 28. Л. 1, 1об, 3, 7, 7об, 8, 8об). В архивном деле, датированном 1842 г., упоминается, что под влиянием Шамиля в 1841 г. чеченцы, карабулаки и другие соседи назрановцев “отложились от подданства Русской державы”, а назрановцы остались в российском владении (РГИА 1: Оп. 1. Д. 311б. Л. 3).

Большая часть карабулаков приняла российскую власть в 1841 г., но в дальнейшем вновь отказалась от ее власти и бежала в ущелье, где жили галашевцы (Галашевское ущелье). С ними карабулаки прожили около 10 лет. Непокорные карабулаки поддерживали Шамиля. Численность карабулаков и галашевцев составляла около двух тыс. фамилий. Шамиль прислал туда подкрепление. В результате беглые карабулаки и галашевцы добровольно не вышли из ущелья. Российские войска начали наступление и привели оставшихся карабулаков и галашевцев “в покорность”. Тогда карабулаки и галашевцы выслали депутатов в русский военный лагерь, выдали аманатов из почетнейших фамилий, абреков и обязались исполнять требования правительства. Их аулы вошли в состав Владикавказского округа. В 1850 г., приняв российскую власть, карабулаки вернулись на прежние места обитания (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 409. Л. 1; РГВИА 3: 26). Российская администрация пригласила представителей карабулаков и галашевцев вначале в Тифлис, а затем в Санкт-Петербург для личного изъявления покорности народов (РГВИА 3: 1–4, 5, 9).

В Тифлисе депутация включала в себя шесть почетных стариков, но не от

аулов, а от фамилий (Булгучевых, Цицоевых, Мужихоевых) – три карабулака и три галашевца. Вместе с ними в делегации был ингушский пристав А. Мальсагов. Депутация в Санкт-Петербург включала 16 чел.: десять карабулаков и шесть галашевцев, где они получили чины (поручиков и прапорщиков), медали, пенсии, подарки (РГВИА 3: 1–4, 5, 9).

В 1850-е годы политические пути чеченцев и карабулаков разошлись. Если военные действия русских войск против чеченцев продолжались до 1860 г. (1840–1845, 1845–1856, 1856–1859 гг.) (РГИА 2: Оп. 1. Д. 16. Л. 5, 7об), то карабулаки подчинились России примерно к 1850 г. В конце 1850-х годов бывший наиб Малой Чечни, переназначенный наибом российской администрацией Саадулла Гехинский, собрав отряд из двух тыс. чеченцев, воевал уже против всех карабулаков. В 1860-е годы на Северо-Восточном Кавказе появлялись межнациональные партии разбойников, занимавшиеся грабежами и разбоями в казачьих станицах. Так, в 1863–1865 гг. была такая партия, в которую входили назрановцы, чеченцы (ичкерийцы) и два брата-карабулака Джаниевы (один из них – Джегосто Джаниев из аула Шинал-Юрт). Эту партию поймали: братьям-карабулакам дали пять лет ссылки в арестантских ротах в Оренбургской губернии, а затем отправили на вечное поселение в Сибирь (ЦГА РСО-Алания 1: Оп. 6. Д. 468).

Отношение российских властей к покорившимся карабулакам было такое же, как и к другим народам: их охотно приглашали в создаваемые для горцев военные подразделения. В 1838 г. был образован Владикавказский горский полк, в 1858 г. – Конно-Иррегулярный чеченский полк (ЦГА РСО-Алания 2: Оп. 1. Д. 1843). И в первом, и во втором полках были представители карабулаков. В одном архивном деле отмечалось, что в 1859–1864 гг. карабулаки, которые служили в российском полку, просили назначить им пенсии за военные отличия (например, карабулак из аула Сурхахи Т. Балхийев в 1861 г. помог отбить табун от абреков; юнкера А. Гагажилов и П. Эхийев – за борьбу в Алзи-Юртском ущелье против Шамиля в 1859 г.) (ЦГА РСО-Алания 2: Оп. 1. Д. 1841. Л. 60об, 85). Если до 1840-х годов карабулаки активно нападали на казаков, то в дальнейшем уже появились карабулаки-казаки. Так, известно, что в 1844 г. в укреплении и карабулакском ауле Казак Кичу (Кигу) жили казаки-карабулаки Баташ Булугучев и Альжуко Цугув, которые участвовали в различных военных действиях на стороне России (РГВИА 2: Оп. 6. Д. 287. Л. 1, 1об, 2, 8). В архиве есть дело, датированное 1861 г., о зачислении в Терское казачье сословие карабулакского старшины Тытиева (ЦГА РСО-Алания 2: Оп. 1. Д. 234).

Несмотря на ослабление сопротивления карабулаков России, в 1865 г. они были выселены в Османскую империю.

* * *

Таким образом, в основу взаимоотношений карабулаков с соседними народами Северного Кавказа в первой половине XIX в. был положен геополитический критерий, который разделил не только народы между собой, но и людей внутри родов одного народа – карабулаки оказались разделенными. Небольшая часть карабулаков ориентировалась на ингушей, вместе с которыми они вошли в состав России, но основная часть предпочла ориентироваться на тех чеченцев, которые оказывали сопротивление России. Кроме политического фактора имел значение и религиозный. И ингуши, и карабулаки в XVIII в. подверглись исламизации. Ислам постепенно занял свою нишу. Российские власти наряду с осетинами активно пытались христианизировать и ингушей. Карабулаков эти процессы не затронули (РГИА 2: Оп. 6. Д. 162. Л. 11об). В свою очередь карабулаки, чеченцы и народы Дагестана объединялись на основе общего исламского идеологического фундамента и единого лидера – Шамиля.

Примечания

¹ Т.е. ингушей и яндырских карабулаков.

² Этот аул был в Чечне.

Источники и материалы

АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии / Под ред. А.П. Берже. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1866–1904.

РГВИА 1 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846 (ВУА).

РГВИА 2 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454.

РГВИА 3 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 38. Оп. 7. Д. 159.

РГИА 1 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1268.

РГИА 2 – Российский государственный исторический архив. Ф. 866.

ЦГА РСО-Алания 1 – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 12.

ЦГА РСО-Алания 2 – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 53.

Научная литература

Ахмадов Ш.Б. Из истории развития вольных (сельских) обществ в Горной Чечне и Ингушетии в XVIII – начале XIX в. // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2004. № 2. С. 22–26.

Виноградов Б.В. Дискуссионные проблемы этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 годах // Научная мысль Кавказа. 2004. № 1. С. 49–56.

Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974.

Гапуров Ш.А. Наместники и кавказская политика России (первая половина XIX в.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. № 1 (18). С. 106–117.

Гапуров Ш.А., Гапурова М.Ш., Саралиева Л.Ш., Гациева Т.И. Чечня в Кавказской войне: некоторые аспекты // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016а. № 4 (33). С. 54–59.

Гапуров Ш.А., Гациева Т.И., Сугаипова А.М. Кавказская война: некоторые итоги и уроки // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016б. № 1. С. 42–48.

Гапуров Ш.А., Саралиева Л.Ш. Присоединение народов Северного Кавказа к России: некоторые аспекты // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. № 1 (18). С. 118–128.

Картоев М.М. Ингушетия в составе Российской империи (1800–1840-е гг.): военно-политический и религиозный аспекты // 250 лет единения Ингушетии с Россией: время, события, люди. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Магас, 3–6 июня 2020 г. / Отв. ред. Л.Я. Арапханова. Назрань: КЕП, 2020. С. 34–42.

Кидирниязов Д.С. Переселение народов Северного Кавказа в Турцию в 50–60-е гг. XIX в. // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сборник статей VIII-ой Международной конференции / Отв. ред. И.М. Сампиев. Назрань: КЕП, 2020. С. 203–217.

- Межидова Т.У. Чеченские племена в исторических трудах XIX в. // Научный альманах. 2018. № 10–3 (48). С. 142–150.
- Товсултанов Р.А. Политика царской России в Чечне на рубеже 1840–1850-х годов // Научный журнал КубАГУ. 2017. № 131 (07). С. 270–286.
- Цицкиев В.Х. Перелистывая страницы истории Кавказской войны XIX века (по материалам Кавказской археографической комиссии XIX–XX вв. и российского государственного военно-исторического архива) // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2019. № 1. С. 84–89.

Research Article

Babich, I.L. Geopolitical Interests of the Karabulaks (1800–1865) [Geopoliticheskie interesy karabulakov (1800–1865 gg.)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 2, pp. 154–167. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020105> EDN: HSEKDA ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Irina Babich | <https://orcid.org/0000-0002-3240-6780> | babi7chi@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Leninsky prospekt 32-A, Moscow, 117303, Russia)

Keywords

Karabulak, North-East Caucasus peoples, Ingush, Chechen, Caucasus war, Russian Empire, archives, maps

Abstract

The article draws on newly discovered archival materials to examine the vectors of geopolitical interests of the Karabulaks in the context of their relationships, on the one hand, with the Chechen and the Ingush; on the other, with the Russian state power in 1800–1865. The Karabulaks – people who spoke a language of the Nakh-Dagestanian linguistic group and lived up until 1865 in the foothills and mountainous areas of the Great Caucasus Ridge – have received little attention in Russian/Soviet scholarship. In 1865, the Russian authorities forced the Karabulaks to abandon their land and migrate to the Ottoman Empire, thus possibly removing them from the focus of later Russian historians and ethnographers. I argue that there was a specific geopolitical principle at play in the relations among the peoples of the Caucasus in the first half of the 19th century. That principle effectively divided not just peoples but also kin and clan groups. Thus, Karabulaks eventually found themselves divided into a smaller part adjoining the Ingush and becoming the subject of the Russian Empire and a larger part adjoining the Chechens resisting Russia. Still, apart from the geopolitical factor, there was a religious one playing an important role in uniting Karabulaks, Chechens, and Dagestan people on the grounds of the shared ideological movement led by Imam Shamil as a common spiritual leader.

References

- Akhmadov, Sh.B. 2004. Iz istorii razvitiia vol'nykh (sel'skikh) obshchestv v Gornoi Chechne i Ingushetii v XVIII – nachale XIX v. [The History of the Development of Free (Rural) Societies in Mountainous Chechnya and Ingushetia in the 18th and Early 19th Centuries]. *Izvestiia vuzov. Severokavkazskii region. Obshchestvennye nauki* 2: 22–26.
- Gapurov, Sh.A., Gapurova, M.Sh., Saraliev, L.Sh., and T.I. Gatsieva. 2016. Chechnia

- v Kavkazskoi voine: nekotorye aspekty [Chechnya in the Caucasian War: Some Aspects]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki* 4 (33): 54–59.
- Gapurov, Sh.A. 2013. Namestniki i kavkazskaia politika Rossii (pervaia polovina XIX v.) [The Governors and the Caucasian Policy of Russia (First Half of the 19th Century)]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki* 1(18): 106–117.
- Gapurov, Sh.A., Gatsieva, T.I., and A.M. Sugaipova. 2016. Kavkazskaia voina: nekotorye itogi i uroki [Caucasian War: Some Results and Lessons]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki* 1: 42–48.
- Gapurov, Sh.A., and L.Sh. Saraliev. 2013. Prisoedinenie narodov Severnogo Kavkaza k Rossii: nekotorye aspekty [Accession of the Peoples of the North Caucasus to Russia: Some Aspects]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki* 1(18): 118–128.
- Kartoev, M.M. 2020. Ingushetia v sostave Rossiiskoi imperii (1800–1840-e gg.): voenno-politicheskii i religiozni aspekty [Ingushetia within the Russian Empire (1800–1840^s): Military-political and Religious Aspects]. In *250 let edineniia Ingushetii s Rossiei: vremia, sobytia, liudi. Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Magas, 3–6 iunia 2020 g.* [250 Years of Unity of Ingushetia and Russia: Time, Events, People. Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference. Magas, June 3–6, 2020], edited by L.Ya. Arapkhanova, 34–42. Nazran: KEP.
- Kidirmiyazov, D.S. 2020. Pereselenie narodov Severnogo Kavkaza v Turtsiiu v 50–60-e gg. XIX v. [Resettlement of the Peoples of the North Caucasus to Turkey in the 1850^s–1860^s]. In *Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie problemy modernizatsii Kavkaza. Sbornik statei VIII-oi Mezhdunarodnoi konferentsii* [Humanitarian and Socio-Political Problems of the Modernization of the Caucasus. Collection of Articles of the VIII International Conference], edited by I.M. Sampiev, 203–217. Nazran: KEP.
- Mezhidova, T.U. 2018. Chechenskie plemena v istoricheskikh trudakh XIX v. [Chechen Tribes in the Historical Works of the 19th Century]. *Nauchnyi al'manakh*. 10–3 (48): 142–150.
- Tovsultanov, R.A. 2017. Politika tsarskoi Rossii v Chechne na rubezhe 1840–1850-kh godov [The Policy of Tsarist Russia in Chechnya at the Turn of the 1840–1850^s]. *Nauchnyi zhurnal KubAGU* 131 (07): 270–286.
- Tsitskiyev, V.KH. 2019. Perelistyvaia stranitsy istorii Kavkazskoi voiny XIX veka (po materialam Kavkazskoi arkhograficheskoi komissii XIX–XX vv. i rossiiskogo gosudarstvennogo voenno-istoricheskogo arkhiva) [Turning the Pages of the History of the Caucasian War of the 19th Century (Based on Materials from the Caucasian Archaeographic Commission of the 19th–20th Centuries and the Russian State Military-historical Archive)]. *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta humanitarnykh nauk im Ch.E. Akhrieva* 1: 84–89.
- Vinogradov, B.V. 2004. Diskussionnye problemy etnopoliticheskoi situatsii na Severnom Kavkaze v 1783–1816 godakh [Discussion Problems of the Ethnopolitical Situation in the North Caucasus in 1783–1816]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza* 1: 49–56.
- Volkova, N.G. 1974. *Etnicheskii sostav naseleniia Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnic Composition of the Population of the North Caucasus in the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow: Nauka.